

О воспитаннике Новофонской монастырской школы Несторе Лакоба

НЕСТОР И АБХАЗИЯ

Нестор Лакоба, юбилей которого отмечается в этом году, в истории Абхазии навсегда останется ключевой фигурой. Эта роль отведена ему не только историками, но самим народом Абхазии, что намного важнее.

Обратитесь к любому встречному абхазу и попросите назвать имена правителей нашей страны в прошлом. Свой перечень случайный ваш собеседник начнет с царя Леона, далее, совершив колоссальный перелет во времени (через десять веков!), упомянет владетельного князя Келешбея Чачба, затем перейдет к совнаркому Нестору Лакоба и завершит перечисление именем президента Владислава Ардзинба.

Выбор именно этих политических фигур из множества других правителей Абхазии, оставивших свой добрый или роковой след в истории, хоть и сделан интуитивно, не случаен. Вышеперечисленные руководители находились у истоков создания, укрепления и возрождения Абхазского государства на разных этапах его истории. В основе их деятельности была не только решительность (я бы сказал – дерзновение!), но и политическая дальновидность, и при этом они оставались совершенными прагматиками – каждый в условиях своего времени.

Не раз приходилось слышать, когда при оценке деятельности Нестора Лакоба говорят: советизация Абхазии, произошедшая в период его руководства страной, послужила впоследствии причиной трагических событий в истории нашего народа.

В связи с этим проведу несколько аналогий. Если бы абхазский царь Леон в VIII веке перед лицом могущественной Византийской империи, идеологическим стержнем которой было Православие, стал бы строить государство по принципу языческих античных полисов-государств либо Римской республики, к чему бы это могло привести? Или же Келешбей Чачба, теснимый со всех сторон Османской империей, взялся бы реализовывать в своем княжестве идеи французской революции конца XVIII века? Нетрудно представить, чем бы это закончилось. Или же Владислав Ардзинба вместо строительства современной демократической республики занялся бы возрождением Абхазского средневекового царства и объявил бы себя царем? Это было бы не только безумием, но и заведомо обрекло бы на провал идею создания независимого Абхазского государства в его современном виде.

Нестор Лакоба в период больших потрясений в начале XX века (как, впрочем, и Владислав Ардзинба в конце того же века) оказался более дальновидным политиком, чем представители абхазской аристократии, настроенные на создание демократической республики. Как и его предшественник Келешбей Чачба, он не был фанатично привязан исключительно к одной политико-идеологической установке (эта свобода от каких-либо привязок и зависимостей является природной чертой абхаза). Большевик нужен был

Нестору, как и многим его соотечественникам и современникам, в том числе и как возможность, как «инструмент» спасения Абхазии от грузинских меньшевиков.

«Абхазцы, – писал в 1918 году в своих дневниках настоятель Сухумского кафедрального собора, протоиерей Георгий Голубцов, – не давая себе отчета в смысле совершившихся в России событий, видят в грядущих к ним русских большевиках спасителей от “грузинского ига” и потому с радостью ожидают к себе большевиков»¹.

Именно такое восприятие происходивших в то время событий подвигло и видного абхазского священника Георгия Ахан-ипа (Туманова) пожертвовать крупную сумму и передать эти деньги Нестору Лакоба на организацию революционно-крестьянского движения. (Ради соблюдения исторической справедливости замечу, что последующие их взаимоотношения были, мягко говоря, не гладкими, хотя оба они – и Нестор Лакоба и о. Георгий Ахан-ипа – были воспитанниками Новоафонской монастырской школы).

Не потому ли после изгнания грузинских меньшевиков и установления Советской власти в Абхазии Нестор Лакоба не репрессировал тотально абхазских князей и дворян, не подверг жестоким гонениям все духовенство Абхазии – как христианское, так и исламское?

В письме Иосифа Сталина от 19 октября 1929 года, в котором речь идет о так называемом «абхазском деле» (попытке снять с поста Н. Лакоба и назначить на его место либо Дмитрия Алания, либо Василия Агрба, кстати, бывшего священника Мгудзырхвской церкви), было отмечено следующее: «Ошибка товарища Лакоба состоит в том, что он: а) несмотря на свой старый большой опыт, сбивается иногда в своей работе на политику опоры на все слои абхазского населения (это – не большевистская политика); и б) находит возможным иногда не подчиняться решениям обкома (это – тоже не большевистская политика)»².

Еще один важный момент деятельности Нестора Лакоба. В фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии хранится коллекция книг и географических карт, изданных в 20-е годы прошедшего века. Они свидетельствуют – по крайней мере для меня, – что в период правления Нестора Лакоба, в особенности с 1921 по 1931 гг. (до вхождения Абхазии в состав Грузинской ССР), им были созданы самые благоприятные условия для развития науки в нашей стране.

И, наконец, мы подходим к одному из самых драматичных моментов не столь уж давней абхазской истории, к подписанию союзного договора с Грузинской ССР в 1921 году и вхождению Абхазской ССР в состав Грузии на правах автономии в 1931-м.

Как расценивать эти весьма спорные в период правления Нестора Лакоба решения?

Следует отметить, что в первом событии Нестор прямого участия не принимал.

¹ Дневник настоятеля Сухумского кафедрального собора протоиерея Георгия Голубцова / Российская Церковь в годы революции (1917–1918 гг.). Сборник. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. – С. 244. (= Материалы по истории Церкви, кн. 8).

² Партийный архив Грузинского филиала института М/Л при ЦК КПСС, ф. 13, д. 2960, оп. I, ч. III, лл.5-6. Благодарю Зураба Агрба-Филиппаки за предоставленную копию этого документа.

Как бы там ни было, оба эти события привели к трагическим последствиям, в особенности после того, как в 1931 году статус Абхазии был политически ущемлен: сам Нестор Лакоба был отравлен в Тбилиси, а вся его семья – мать, жена и несовершеннолетний сын – зверски убиты. Что произошло в те тяжелейшие годы с элитой абхазского общества, в том числе и с духовенством, думаю, напоминать не нужно. Это общеизвестно.

Во всей той истории, безусловно, ключевую роль сыграли безжалостные тираны Сталин и Берия. Но для нас, современных абхазов и наших нынешних руководителей события того времени должны послужить серьезным уроком: тогда, за первым шагом руководства Абхазии, подписавшим в 1921 году союзный договор с Грузией в надежде на помощь Ленина и Троцкого (если что-то пойдет не так), неминуемо последовал и шаг второй – вхождение Абхазии в 1931 году в состав Грузии на правах автономии – со всеми вышеописанными последствиями унижительного умаления, ущемления статуса нашей страны.

Как историк я принципиально продолжаю настаивать на том, что любая форма нахождения Абхазии в составе любого другого государства всегда оборачивалась для нашего народа трагедией. И, увы, как учат уроки истории, будет оборачиваться...

Да, «хлебом насущным» мы будем обеспечены сполна...

Важно помнить и другое, что бывают трагедии с поправимым финалом, но могут случиться (не дай увидеть нам этого, Господь!) – и с неизменным трагическим концом.

НЕСТОР И НОВОАФОНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Общеизвестно, что Нестор Лакоба был воспитанником Новоафонской монастырской школы, созданной в 1876 г. для обучения грамоте абхазских мальчиков. (Сегодня в перестроенном здании этого дореволюционного учебного учреждения располагается прекрасная среднеобразовательная школа г. Новый Афон, носящая имя Нестора Лакоба.) В 1905–1910 годах Н. Лакоба учился в Тифлисской духовной семинарии, откуда в 1911-м был исключен за участие в революционном кружке. Полагаю, «семинарская штудия» (я могу об этом судить, поскольку и сам прошел через нее) во многом помогла Нестору Лакоба в его последующей деятельности.

Весьма любопытен еще один факт из жизни Нестора Лакоба, совершенно неизвестный прежде. Оказывается, в 1923 году (за год до закрытия Новоафонского монастыря) Нестор задумал на базе всего комплекса монастыря создать большой детский городок. Об этом мы узнаем из письма, которую он направил 15 октября 1923 года в адрес Закавказского райкома.

«Находящийся на территории Абхазии Н.-Афонский монастырь, – пишет Н. Лакоба, – построенный скорее в соответствии с капризами русской буржуазии и высокопоставленных дам романовского происхождения, чем с требованиями “благочестивых иноков” из старого Афона, все еще продолжает находиться, к нашему

стыду, в плену у монахов. Н. Афон является в хозяйственно–культурном отношении вполне благоустроенным: каменные и кирпичные здания, отвечающие последнему слову архитектуры (буржуазной); культурные участки (мандарины, маслины, сливы, виноград, и др. фрукты); скотный двор, мельница, пасека, сенокос, мастерские и др.; электричество и водопровод. Н. Афон в полукольце гор, высотой от 500 до 1100 футов, на берегу моря и при шумных водопадах и горных речках, – походит на красивый, изящный городок.

Вопрос о том, как и в какой форме этот городок должна прибрать Советская власть к своим рукам и наиболее практически и целесообразно его обратить на пользу трудящихся масс, – не мало занимал ответ – работников Абхазии. Но этот вопрос, как ни странно, до сих пор все еще не получил своего законного, естественного разрешения. Общее же мнение, которое сейчас складывается в Абхазии, безусловно, говорит за то, что Н. Афон имеет немаленькое значение в общесоюзном масштабе, если его умело и организованно приспособить к ДЕТСКОМУ ГОРОДКУ. Эта идея вполне осуществима практически – при необходимом и нужном внимании и содействии со стороны Закавказского райкома. При хорошей постановке дела, т.е. организации небольшого кадра хозяйственных спецов и умелого подбора командного состава сотен детей трудящихся (?), Новый Афон вполне может себя содержать, не вызывая почти никаких расходов со стороны правительства, если не принимать во внимание так называемых первоначальных расходов (организационных).

Исходя из вышеизложенного, прошу Закавказский райком срочно рассмотреть затронутый вопрос и решить его в принципе в удовлетворительном смысле. В видах практического начала полагал бы необходимым назначить компетентную (небольшую) комиссию и срочно командировать таковую в Абхазию для немедленного обследования вопроса на месте»³.

В неопубликованной рукописи под названием «Воспоминания о жизни и деятельности архиереев и духовенства Сухумо-Абхазской епархии в период: от революции до времени вступления на кафедру митрополита Антония Гигинейшвили» (автором этих воспоминаний была верующая женщина, ее имя, к сожалению, нам неизвестно – прим. о. Дорофея) относительно уже закрытия Новоафонского монастыря сообщается следующее: «Новоафонский монастырь был закрыт в 1924 году. Обстоятельства закрытия были таковы. Накануне приехал в монастырь Нестор Лакоба, председатель Совнаркома (Совета народных комиссаров – прим. о. Дорофея) Абхазии. В трапезной собрались монахи. Он обратился к ним со следующими словами: “Дорогие отцы! Монастырь придется закрыть. Я долго отстаивал его, вы знаете, что он мне дорог, как и вам. Я – воспитанник монастырской школы, учрежденной покойным дорогим отцом Иероном (строитель и первый настоятель Новоафонского монастыря – прим. о. Дорофея)

³ Центральный архив новейшей истории Грузии, ф. 600, оп. I, д. 185, л. 6. Благодарю Зураба Датуашвили за присланную фотокопию этого документа.

для абхазских мальчиков. В Москве категорически предложили мне закрыть его. Простите меня, но я не властен отменить или отсрочить это решение”.

Я стояла снаружи около окна трапезной и все слышала. На другой день в монастырь прибыл целый отряд милиции. Мне и моим друзьям было известно, что с вечера в соборе начнется последняя прощальная служба – всенощное бдение. В десять часов вечера с колокольни монастыря раздался звон набатного колокола (два монаха раскачивали язык этого колокола). Мерные могучие звуки призывно неслись с горы, тревогой наполняя сердца. Все население Афона и ближних селений – Анухвы Абхазской и Анухвы Армянской – устремились к монастырю. Ворота во внутренний двор, где расположен собор, были заперты, и их охраняла милиция. На наши просьбы открыть ворота и пропустить нас в собор на прощальную службу – в ответ мы слышали насмешки. В толпе слышались рыдания женщин. Вдруг молодая девушка-абхазка громко крикнула: «Абхазцы! На вас надо надеть юбки!» Мгновенно все смолкло. Затем раздался характерный возглас абхазцев: «Ахахаит!», т.е. бросаться в атаку! В один миг всю милицию сняли и расшвыряли как котят, навалились на ворота, задвижка изнутри лопнула и ворота распахнулись. Мне не забыть этой ночи!..»